

НЕЗАВИСИМАЯ

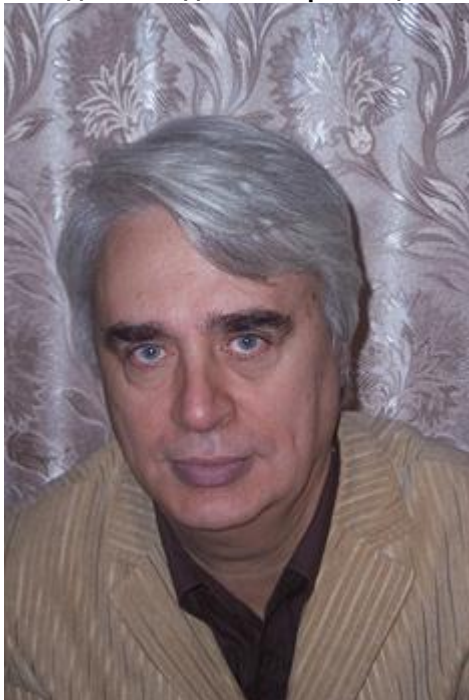
02.07.2009

| [КАФЕДРА](#)

Марина Тарасова

Неисповедимые пути

Невидимая подземная грибница связывает героев Бориса Евсеева

**Борис Евсеев, вникающий в глубинные процессы бытия.
Фото Феодоры Евсеевой**

Как часто, вздыхая, мы думаем о том, что прошлое уже отдышалось, настоящее – не так радостно, как хотелось бы, будущее угадываемо, но непредсказуемо. И все потому, что пути Господни неисповедимы. Но человек по высшему замыслу – сколок Божий, луч небесного света, значит, во многом, неисповедимы и пути человечья, дороги людские. С достаточным основанием это можно отнести к героям произведений Бориса Евсеева, яркого, самобытного писателя, к его поэзии и прозе.

Юный скрипач с Юга, из Новороссии, из Херсона, приезжает в начале 70-х в столицу и поступает в Институт им. Гнесиных, желая посвятить себя музыке. Но довольно быстро жизнь Бориса Евсеева делает неожиданный поворот. Показной лоск, шумная московская жизнь мало привлекают молодого музыканта («Мир ловил меня, да не поймал», – как писал Григорий Сковорода). Его любимым преподавателем и наставником становится не скрипичный мэтр, а Георгий Иванович Куницын, читавший курс эстетики. Это было образование в широком и полном смысле, мировая культура представлялась студентам не в разрезе советской идеологии. Да и преподавал эстетику Куницын не скучно-академично, а увлекательно и даже весело. На лекции разжалованного инструктора ЦК стекалось пол-Москвы, в том числе и автор этих строк, впоследствии познакомившийся с Георгием Ивановичем ближе.

Диссидентствующий студент, подписант Борислав (в «Романчике» Евсеев оставил герою свою фамилию), хочет познакомиться с Солженицыным, определяется с гражданской, человеческой позицией. Водоворот событий, в который он оказывается втянутым, незавидная судьба однокашников, разменявших свой талант, наконец, собственное отчисление – все это

заставляет Евсеева задуматься о выборе жизненного пути; его мечтой, целью становится литература.

Тень, отбрасываемая музыкой, как и человеческая тень, обретает характерные очертания и в дальнейшем во многом определяет композицию, саму интонацию его книг. Начав как поэт, Евсеев в те же годы пишет свои первые рассказы. «Так и тянет от стихов/ Дымом да расстрелом,/ Да сомненьем, да грехом,/ Да мясцом горелым...»

Последние две строки это уже впечатляющая фигура его поздней прозы (рассказ «Мясо в цене!»).

Затосковал по России, по ее облитым глазурью церквушкам...

А.Васнецов. Новодевичий монастырь. Башни. Государственный Русский музей СПб

Свои стихи ярко воплотил в прозу Андрей Белый и мне уже не представить его стихов без мощной, вобравшей автора целиком, прозы (влияние Белого ощутимо в некоторых повестях Евсеева, хотя его поэтика, конечно же, далека от Серебряного века).

Яркая и яростная стилистика поэзии, наполненный поэтический язык явились для Евсеева не столько мостом для созревших рассказов, сколько средством, инструментом для их написания. Возможно, осмысление своего пути вызвало необходимость (на время?) пожертвовать стихами.

В сорок лет Евсеев, печатавшийся дотоле в толстых журналах, дебютировал прозаической книгой. Как тонко отметил в предисловии Павел Басинский: «Он классический правдоискатель, т.е. человек органически не способный делать на своем инакомыслии карьеру». И как представляется мне, Евсеев предстает здесь как писатель, вникающий в глубинные процессы бытия, в таинство жизни и смерти. Причем это не спокойное умствование, а крик скорби, отчетливо слышимый в позднейшей его прозе.

Рассказ «Баран», давший название первой книге, выросший из поразительного языка, – поистине великий рассказ, хотя мы и боимся употреблять это слово. Насыщенность смысла и стиля так бы и осталась насыщенностью, если бы в «Баране», как у Булгакова, не обнаружилось некой «потайной двери»: среди бела дня, на Сretenском бульваре, в каменном мешке двора, куда и попадают случайно хмурые герои – киллеры. Там все – перевертыши, странный хозяин заведения, его женщина, необычный способ расправы, казни. А ищут киллеры всего-навсего барана, грезя о предстоящем шашлыке.

Представители животного царства у Евсеева гораздо сообразительнее, чем мы привыкли о них думать (баран уже в самом начале рассказа предчувствует, как ему пустят кровь). История о том, как баран с людской помощью в конце концов добрался до родного Кавказа и вернулся к своей прежней жизни в стаде, вызвала бы улыбку – чего не бывает в жизни! Но соль не в ней: двое киллеров бездарно расстаются с собственной жизнью, и вот их-то посмертье надолго вгрызается в память, в душу, это уж как у кого.

«Их готовились вывезти за город, и турок с карпатороссом это предчувствовали, как предчувствует место будущего захоронения каждый с виду умерший, а на самом деле продолжающий жить человек. Но и уход души не был сейчас главным для них. Главным сейчас было не движение – а остановка, замирание. Как встретят? Оглянут как?»

Борис Евсеев – конечно же, новый христианский писатель. И не потому, что среди его героев нередко священники, монахи и послушники, а действие прозы разворачивается вблизи церквей, у монастырских стен. Давным-давно на Руси были нищенствующие, анафемствующие дьяконы («Проклянну, проклянну христопродавца! Вечной жизни лишу»), но эти персонажи живут в наше время, о котором позже Евсеев напишет: «Произошло что-то чудовищное, гадкое. Законы жизни – глубинные, не экономические вершки – не угаданы в программках ни на йоту! Не поняли этих законов ни Хайек с Фридманом, ни Гайдар с Чубайсом, ни Жирик с Исаичем».

Вакуум безвременья неизбежно заполняется поисками веры как путеводного света, когда обычный пруд с рыбаками представляется библейским озером. А за спиной троицы бедолаг «вся средняя Россия, подающая их самих, как милостыню, кому-то плохо во тьме различимому: агнцу, зверю? Подающая кротко, с любовью. Христа ради».

Вторая прозаическая книга Бориса Евсеева «Власть собачья» вышла в 2003 году. Несомненно, лучшая в ней вещь повесть-притча с ветвистым названием «Мощное падение вниз верхового сокола, видящего приближение воды, берегов, излучки и леса», полнотой и мощью языка восходящая к прозе Андрея Платонова.

А ведь стиль Платонова – трансформированный язык русских летописей, язык протопопа Аввакума. Повесть и предваряется летописным отрывком, цитатой из «Задонщины». Священный сокол Хорра – полноправный, а может, и главный герой необычного повествования. Он не только дерзок и умен, как водится в притче, он наставляет, спасает человека. Отбившаяся от своих сородичей полумистическая птица, летящая из дельты Нила и вобравшая в свою генетическую память египетских фараонов и жрецов, появляется над волжскими просторами очень рано – «седьмого апреля, в день зимоборец». В смелом, безудержном полете небо и вода для нее тоже иногда меняются местами, а из подбрюшья падает метельный пух – вспоминается «Осенний крик Ястреба» Бродского, одно из лучших стихотворений XX века.

По авторскому замыслу былинный сокол неизмеримо выше остальных персонажей повести, барыги по прозвищу Козел, преступного цыгана, ослепляющего людей, чтоб сделать их рабами, и даже егеря, стремящегося жить по правде. Сокол распознает в серой туче, раскинувшейся над плотом (где лежит привязанным Колька Козел, наказанный за убийство), иномирных тварей, низких поднебесных духов со свинными ушами. Угрозу, нависшую над Колькой, усугубляет неведомо откуда появившийся шкурупей – скорпион, – только и мечтающий острым полумесяцем хвоста вонзиться в человеческую плоть.

Маневр птицы, направленный во спасение жизни человека, обретает подлинно эпический разворот. «Еще заход, взмах, взлет! И вот уже визг перешел в урчанье утроб, в скрип зубов, и

стайку низких воздушных духов отбросило куда-то за середку реки. Сокол понял, что победил, понял, что сделал то же, что всегда делали священные соколы Хорра и соколы, запускавшиеся с руки египетскими аввами: хоть на миг откинул от себя и от человека нечистоту!»

Но в жизни не все так линейно. Человек лишен дара предвидения как инстинкта, он не знает, что случится с ним завтра, иначе не купил бы билет на самолет, которому предназначено разбиться. Бывает, расплата не наступает сразу, зачастую она настигает через долгие годы. Как же соотносить свою долю с судьбой окружающих, сделать надлежащие выводы?

Так мы снова обращаемся к метафизическим вопросам. Но куда без них?

Совсем недавно отмечался двухсотлетний юбилей Гоголя. Трагическая фигура Гоголя – неформатна в современном понимании. Не юмор, не реализм – с подачи Белинского и Герцена – были определяющими составными его уникального творчества. В советском литературоведении даже «Нос» считался юмористическим рассказом. Русский авангардист и мистик Гоголь всю жизнь мучительно раздваивался, балансировал, терял душевный покой. Да, волшебная птица-тройка, несущая Россию в светлые заоблачные дали, но разве его великий роман, его великая поэма, не сумрачный приговор российской действительности? И сам Чичиков, припечатанный критикой как первый русский капиталист, – не бес, не дьявол, скупающий по сходной цене мертвые души?

В «Ночном смотре» у Евсеева есть своя впечатляющая модификация прислужника Зла. Это Мумма, вторгающийся в жизнь Геры. Станный приживальщик в лоснящемся халате, от его присутствия, темного дыханья вянут цветы в горшках. «Весь доисусов мир, вся Малая Азия, Египет, Ханаан, Киликия – с поеданием собственных детей, с выпиванием жертвенной крови, с отсутствием всякой мысли о сладостном Воскресении из мертвых – овеществлялся, но и кончался в нем. Он был тупиковой ветвью». На протяжении повести Мумма видоизменяется, мимикрирует, превращается то в сферический шар, то в ломкое перекати-поле, пока не исчезает.

«Ночной смотр» не представляется мне ремейком знаменитой баллады, хотя наличествует и умело вкрапленная старина, и магическое притяжение героев к Луне. Для меня это скорее причудливая готика – с вечным недостроен Царицынским дворцом, с лапами корневищ, опутывающими замшелые кирпичи кладки, со скошенной реальностью. Мне не раз доводилось там бывать: вблизи Царицына в 70-е годы жил замечательный поэт Давид Самойлов, а я была его ученицей.

В повести есть некая выпренность, языковой перебор: «Далматин чуял нечужое никем. Он слышал разлитую в воздухе порчу времени». А вообще образы животных в книге правдивы и высоко художественны. В рассказе «Власть собачья» об озверевшей бродячей стае нет прямой параллели с жизнью человеческой, со страшными отношениями между людьми, таких открытых параллелизмов Евсеев всегда избегает. Но каким мог стать тот же Огонь после садиста-хозяина, который его вкусно кормил, целовал в нос, а потом, удовольствия ради, бил железкой по голове? Человек отличается от собаки еще и тем, что может без нее жить, а собаке претит существование без ее кумира – человека. Иваняев (в этом рассказе) сам убил шестерых людей, и вот Огонь спасает его от клыков собачьей стаи, а Иваняев предает своего спасителя.

После книги повестей и рассказов «Власть собачья» Евсеев издал три романа: автобиографический «Романчик», о котором говорилось выше, роман-фантом «Площадь

Революции», где ночью на станции метро разворачиваются полуфантастические события, возводятся новые баррикады, и роман «Отреченные гимны».

Экспозиция «Отреченных гимнов» отнесена к октябрю 1993 года. Неподалеку от Белого дома, во дворе старинного храма Иоанна Предтечи, умирает сраженный выстрелом молодой мужчина. Все здесь крупно, значительно, написано почти библейской прозой. Я могу свидетельствовать о полном слиянии действительности с правдой художественной, так как жила в те кровавые дни в соседнем дворе, с другой стороны Предтеченской церкви. Рядом, в сквере у задымленного Белого дома, находили убитых старух и выбежавших поглазеть подростков. Потом их прижизненные фотографии – детей, священнослужителя – будут запечатлены на стенде у построенной часовни. А во дворе, за церковью, где и сейчас детский сад, и вправду лежало тело молодого мужчины...

Так отметились ельцинское время.

Драматичная экспозиция задает тон всему роману, похожему на голограмму человеческих судеб. Совсем не случайно появляются в нем посмертные странствия, перечислены двадцать мытарств. Все будут в ответе за содеянное, уклониться не удастся никому!

Из наших прозаиков не могу найти никого, кому за пятьдесят и кто мог бы встать вровень с Евсеевым. Владимиру Маканину и Анатолию Киму уже исполнилось семьдесят. Так и стоит Борис Евсеев одиноко, в тени своей скалы, с ловчим соколом на плече...

Произошла удивительная вещь. Кажется, Евсеев сказал очень многое в своих рассказах, повестях и романах, утвердился в своем стиле, в манере... И вот выходит новая книга новелл «Лавка нищих», классически законченная, лаконичная по слову, похожая на невидимую подземную грибницу, связывающую его героев.

«Лавка нищих» не страдает абстрактным гуманизмом, она о полунищей стране, о том, как страна выживает в эпоху глобального кризиса.

Своеобразным зачином книги является история Ивана Раскоряки, парня из пригорода, из набитой битком электрички – таких презрительно называют чмо, – продающего самодельные клетки на новом Птичьем рынке. Ваня одинок, родители, вдоволь намаявшись в жизни, умерли, знакомых – никого, только прибившаяся на рынке девчонка. Поэтому птицы, щенки и котята, привезенные на продажу, для него не просто «братья меньшие», а товарищи по несчастью. И вся-то вина Ивана – открыл дверцы клеток, чтоб выпустить птиц на волю. Но рыночный пристав неумолим: за нанесенный торговле ущерб он сначала жестоко избивает Ваню, а потом тащит к зловещей яме в окрестностях Птички – заживо засыпать землей, отнять последнее, что у того есть, – жизнь.

Трудно и даже невозможно представить пристава (хотя неисповедимы пути челове́чи) в роли Раскольникова, с его великим катарсисом, с топором, занесенным над старушкой. Но ведь и для пристава Иван не более чем «тварь дрожащая» и должен быть уничтожен, как непроданная живность или, скажем, бомж. Однако Ваня выбирается из сучьей ямы вопреки жестокой реальности, на шоссе его ждет белокрылая Пашка, готовая идти с ним хоть на край света. Жить бы и радоваться, но почему-то ком застревает в горле!

Нет денег на лекарства, да и на хлеб едва хватает, и старенький Кося Валуй из маленькой новеллы «Нечуй-ветер» мусолит тускнеющим мозгом предание о приказчике купцов Боборыкиных, нашедшем некогда клад. Как бы им распорядился бедняк, мечтающий наняться сторожить чужие дачи? Окружающий мир враждебен ему, асфальт, варящийся в котле, кажется адской смолой. А притормозившему Ерофею Игоревичу он досадливо бросает:

«Лучше б ты меня сбил. Мне из-под колес вылезать обидней, чем мертвому под свечой лежать».

Вот она, тоскливая, понурая старость, когда не уважают за то, что прожил жизнь, за то, что относишься к роду человеческому. Только и ласкают слух слова полузабытые, названия давние, сердечные: трава нечуй-ветер. Простая, как молоко, поэзия жизни. Только и остается слеза на щеке, и светлое неизбывное ощущение, что мир наш слеза и есть, а дороже самого мира лишь та, будущая встреча.

Как скульптурен, монументален босняк из рассказа «Мясо в цене»! Южный славянин в заснеженной России, он тоже правдоискатель, да еще какой бескомпромиссный. Здесь, под Москвой, в Мытищах, он хоть и справедливо, но проливает чужую кровь, а кровопролитие несовместимо с ищущей Бога душой. Уезжая, босняк оставляет на колоде близ церкви два отрубленных пальца левой руки.

Те, кто писал об этом незабываемом рассказе, как-то упускали из вида, что босняк – человек физического труда, руки его кормят. И в конце новеллы, у себя на родине, на стройке, босняк идет с железным прутком на охранника, если что – пустит заточку в дело. Ясно, он хочет вернуться, затосковал по России, по ее облитым глазурью церквушкам, добросердечным батюшкам и дерзким женщинам, порой живущим не то что не в ладах с совестью, но готовых забыть о ней ради суженого или просто ласкового любовника.

Стелится, разветвляется невидимая подземная грибница, радуется теплой подземной весне. Какой занимательный и смешной рассказ «Тамбовская обезьяна»! Московское кидалово, не очень-то опрятная женщина Меланья, псевдоорангутанг в семейных трусах, а в центре этого балагана – тамбовский Дарвин. Этаким Шариковым навыворот, зашивающий людей в шкуры и полагающий искренне, что от таких манипуляций человек через несколько месяцев приобретает обезьяньи черты. Что ж, передвижной зверинец – одна из форм борьбы с кризисом. И в нем неимущие, но душевно богатые люди в конечном итоге останутся с прибылью.

«Лавка нищих» – как и вся проза Бориса Евсеева – о том, что ни на миг не прекращается борьба двух стихий, сил Добра и низких поднебесных духов, которые могут взметнуться над головой стайей летучих мышей, да мало ли кем могут прикиннуться! Важно их распознать, и от того, на чьей стороне ты окажешься, зависит твоя жизнь земная и жизнь посмертная.

материалы: НГ-ExLibris© 1999-2007

Опубликовано в [НГ-ExLibris](http://exlibris.ng.ru/kafedra/2009-07-02/4_evseev.html) от 02.07.2009
Оригинал: http://exlibris.ng.ru/kafedra/2009-07-02/4_evseev.html